

ВЛАДИМИР АПАРИН

Малахитовое отчаяние

Владимир Апарин

Малахитовое отчаяние

«Издательские решения»

Апарин В.

Малахитовое отчаяние / В. Апарин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-969181-1

Михаил Алтарин вновь решает страшную загадку, от которой зависит жизнь его близких. Но теперь на кону жизнь всей человеческой цивилизации.

ISBN 978-5-44-969181-1

© Апарин В.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	10
Глава 3	14
Глава 4	18
Глава 5	23
Глава 6	27
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Малахитовое отчаяние

Владимир Апарин

*Кто не верил в дурные пророчества,
В снег не лег ни на миг отдохнуть,
Тем наградою за одиночество
Должен встретиться кто – нибудь.
В. Высоцкий*

© Владимир Апарин, 2019

ISBN 978-5-4496-9181-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1

Здесь я уже третьи сутки. Компания подходящая. Для того, чтобы затянуть время, лучшего не надо. Сейчас я лежу на теплотрассе, ощущаю нагретость остывающего кожуха труб вследствие того, что жестянка на толстом слое стекловаты остывает очень медленно, вместе с уходящим солнцем. Еще минут сорок можно понежиться, потом, милости просим, к костру. Тем более, что сегодня огонь будет гореть благодаря мне. Это я сносил за день десятка два овощных ящичков, позаботился обо всех и это в нашем коллективе очень ценится. Я лежу и жду, когда позовут сами. Таков этикет. Я всё ещё им чужой.

Три дня назад, едва скрылись габаритки «Ауди-100» моего друга Виктора Зебольдта, я шагнул навстречу двум «деятелям», внимательно наблюдавшим за моими движениями из-за жидковатой листвы кленовой поросли. На мне были больничные штаны, синяя куртка на голое тело и кроссовки. Ими меня снабдила охрана моего подземного «профилактория», когда я напросился на пробежки. Кроссовки, естественно, на босу ногу. В кармане куртки лежал пластиковый бейджик с застежкой на имя Кравчука Сергея Федоровича. Это было всё моя собственность. У небезызвестного Остапа Бендера было хотя бы нагретое яблоко. У меня дела обстояли хуже.

Сквозь траву и кленовую поросль я прорвался на бетонную подставку теплотрассы и, взобравшись на двутрубье, уселся на горячий от солнца кожух.

Я, конечно, «слышал», о чем беседуют эти двое. Слышал даже не ушами, а моими новыми способностями, стоило только повернуть в их сторону глаза, звук их мыслей усиливался. Первое, что я понял, они безопасны. Готовили какую-то снедь и обзывали меня «придурком». И они были правы. Во-первых, из-за моей одежды, во-вторых, из-за моего поведения.

На кой черт тебе эти «галеры», спрашивал я у себя уже в машине Виктора, когда решил стать на время бомжом. Учитывая, что я мог проделывать своими способностями, я бы даже через час имел и деньги, и документы. Но меня тянуло сделать этот шаг в неизвестность. За последнее время я стал доверять этому чувству, и оно меня спасало. Я даже не взял предложенную Виктором помощь и одежду. Чувство говорило, не надо этого делать. А вот бомжевать надо. Ну раз надо, так надо.

И я разлёгся на горячих трубах теплотрассы. Свобода и свежий воздух сделали своё дело и очнулся я в полной темноте от холода. Продрог я основательно.

Неподалеку горел огонек костерка, и я двинулся туда. У пламени было уже три фигуры и одна, как я догадался, женская. Когда я подошел, мужские фигуры даже не шевельнулись, они тупо смотрели на костер и ни о чем не думали. Подтверждаю, у них было состояние: ни петлять, ни лаять. Пустые водочные бутылки свидетельствовали, что эти двое уже достигли nirваны. А бумажные затычки-пробки говорили, что не без помощи самопала или чего надежней, разведенного стекломоя. Увидев лицо третьего персонажа, я понял, что это женщина лишь по номиналу, сплошной синяк с узкими щелочками глаз. Курила гигантскую самокрутку и кашляла как стартер самосвала.

– Ты кто, мужик? – спросила она между затычками.

– Человек, – ответил я.

– Ха-ха. Ну понятно, что не дух! Ха-ха! Ты откуда?

– Из психушки, – признался я, понимая, что доля правды в этом есть.

– Ха-ха! Так ты придурок! Ха-ха! Ты хоть не опасный? Ха-ха! А то начнешь нас тут резать.

Йоги синхронно повернули на меня головы и что-то муркнули.

– А! – махнула на них собеседница. – Он – чистенький и такой дурак, как я королева. Правда? – обратилась она ко мне. – Есть хочешь?

Я отрицательно покачал головой, ужаснувшись вида того, что она могла мне предложить. У костра стояла закопченная кастрюля с вермишелевым супом и одной ложкой на всех.

– А пить? – вновь спросила она.

Я опять отрицательно покачал головой.

– Брезгуешь?

– Нет, надо подождать сутки, а то издохну из-за лекарств.

– Железная логика! – протянула она мне свою руку. Пришлось пожать. Как ни странно, рука оказалась теплой и женственной.

– Как звать, придурок? – спросила она.

– Сергей, – ответил я.

– Ну раз ничего не хочешь, Сергей, тогда сиди и грейся. Принеси вон из кучи дров. Так мы и сидели почти до рассвета, пока моя собеседница тоже не ушла в астрал. Мне же как спички вставили. Так я и встретил пробуждение мира, подкидывая гнилые штакетины на съедение огню.

Женщину звали Людмила, а мужчин Александр и Семен. Это по цивилинному между собой Людка-Шкура, Шурик — Кабыздох и Сеня – Сабля. Сеня-Сабля был мужем Людки-Шкуры, а Шурик – любовник. Такой вот романтический треугольник. Кабыздох был большой и рыхлый, по законам физики еды и питья ему требовалось больше, чем другим, а делилось всё по справедливости. Поэтому просыпался он первым. С метаболизмом не поспорить. И он не спорил, исчезал куда-то и часам к одиннадцати появлялся с добычей. Только тем, кто рано встает, Бог дает и моим новым друзьям Бог не давал. Они рано ложились, а вставали поздно. И они заботились о себе сами. Шурик, пошарив по мусорным бочкам местного микрорайона, весело сортировал добычу, что-то жуя. Самое ценное он тут же, не стесняясь «законного супруга», предлагал любовнице. Получается подавал прямо в постель. Она пинала его ногой спросонок, материлась как сапожник, где-то в глубине укрытой с головой куртки и наконец с криком:

– Ну надоел же пёс, – просыпалась и садилась, свесив ноги с теплотрассы. Тут же будила супруга лещом по лодыжке и приговаривала:

– Просыпайся, кавалерист, – и мне прокомментировала, – надо разбудить, а то приревнует, будут весь день драться в кровь.

В общем в этом «созидании» царили шекспировские страсти.

Между тем что-то следовало запихнуть в желудок и мне.

– Есть тут у вас рынок какой-нибудь? – спросил я, видя, что они принялись что-то жевать.

– Воровать будешь? – спросил «муж». – У нас не пройдет, договорились с участковым.

Он нас не трогает, мы – рынок.

– Воровать не умею, но знаю волшебное слово.

– Ехе-хе-хе, это какое же?

– Пожалуйста, – улыбнулся я.

– Ну я же говорила – придурок, чего с него возьмешь, – довольная съеденным потянулась за бутылку с водой Людка. – Побираться будешь, а умеешь? Пойду с тобой, посмотрю, как тебе по шее надают.

– По шее? – пошутил я. – Никогда!

Мне выдали короткие штаны, как ни странно, у них в баулах была относительно чистая одежда, и куртку джинсовую. И я, похожий, как мне показалось, на моряка с разбитого корабля, был проведен на местный мини-рынок.

– Давай, проси здесь, туда нельзя, – показала Людка на входные ворота, – нам нельзя, – пояснила она.

– Слушай, Людмила, есть здесь среди торговцев урод, которого бы следовало проучить?

Она сделала удивленные щелочки глаз.

– Зачем?

– Ну спрашиваю, значит надо.

– Вот на углу с овощами в бейсболке Федька. Сволочь первая. Половина лотков на него работают.

– А чем он тебя огорчил?

– Подставил сволочь, а потом продал меня строителям. Я две недели подмахивала, пока не уползла от них на корячках. Хорошо хоть, Шурик не знает, а то давно убил бы его и сел дурачок.

– Смотри, мадам, что сейчас будет.

Я смело перешел на светофоре дорогу и растворился в рыночке. Напрямик подошел к длинному облomu в бейсболке у овощного лотка.

– Чего тебе? – через губу процедил Федька и, рассмотрев наконец мои кроссовки без носок, отрубил: – А ну пошел отсюда, рвань!

Меня это задело, и я оторвался по полной.

– Слушай сюда, уродец, – посмотрел я ему в глаза, не произнося ни слова, – сейчас зайдешь в крытый рынок, купишь большой баул, положишь туда новые брюки моего размера, рубашку, футболку, ветровку. Я люблю кремовый цвет. И еще десять пар носков. Потом сходишь в бакалею и купишь три палки колбасы копченной, три палки сыра, шесть бутылок водки, хлеба, консервов, копченного сала, и вот отсюда наложишь огурцов, помидор по два кило, редиски, лука, бананов и киви. Перенесешь через дорогу, я буду ждать тебя за светофором.

Закончив фразу, я развернулся и молча пошел к ожидавшей меня Людмиле.

– Облом, – вздохнула она и скисла.

– Еще не вечер, девочка, присядем на ограждение клумбы.

– Ну чего мы ждем? – засуетилась от нетерпения мадам. – Сейчас городские менты подъедут, заберут в приемник.

– Не шелести, – ответил я и заметил, как в воротах рынка появился длинный человек в бейсболке. Сумку он еле нёс, согнувшись на бок.

– Пожалуй, я много заказал, – сказал я и заметил, как Людмила стала жаться ко мне.

Федька молча поставил сумку у моих ног и смотрел мне в лицо.

– Молодец, Федя! Молодец! – думал я. – А теперь иди назад, через дорогу. На красный свет. Дождись вон того джипа и прыгни ему под колеса.

– Бери за ручку, – оглянулся я на очумевшую Людмилку. И мы скорым шагом потащили наш улов во дворы. Позади раздался визг тормозов и удар! Но мы не оглянулись. Очень хотели есть...

Для моих новых друзей произошедшее казалось чудом. И мы гудели двое суток, проедавая всё приготовленное заботливым гадом Федей. Правда, не обошлось без тучек на небосклоне наших отношений. Первые часы веселья, пока мои друзья еще пользовались членораздельной речью, они вдруг одновременно воспылали ревностью и попытались покачать права. И я им убедительно доказал в незаинтересованности по отношению к их Людмиле. Правда после этого неловко было держать стакан правой рукой, я её слегка вывихнул, но и претензии прекратились. И твердую копченную колбасу теперь ели только мы с Людмилой. Шурику и Семену было твердое противопоказано. Только жидкое! Сама причина конфликта была в восторге от всей этой истории и явно пыталась усесться поближе.

– Ты не смотри на лицо. Ты посмотри сюда, – задрала она футболку и оголила худой живот. – Мышцы как у спортсменки, я ведь рожала-то один раз. Я – чистая, – смотрела она мне в глаза.

Что я читал у неё в голове, я не буду передавать. Это пошло. А вот, что пьяный человек «хозяйке не по зубам» подтверждаю, там такая мешанина, с командой на выполнение не пробиться!

И еще из-за своих способностей я узнал, что сны у алкашей яркие, цветные, обязательно эмоциональные, видимо, нейроны гибнут с достоинством и героизмом, с музыкой! А уж сюжеты! Спилберг отдыхает! И еще у алкашей происходит какой-то пробой, они видят куски будущего. Искаженные!

Поскольку я своими способностями пользоваться еще не мог толком и мне было больно и неприятно, спать я от этих «Генераторов идей» уходил подальше.

На второй день гуляния мы послали Шурика за водой. Он вернулся с тремя пятилитровками и новостью, что Федю Сырца, так они его называли, сбили машиной и сейчас он в реанимации.

– Дааа? – удивились мы с Людмилой и Семеном.

– Ты на Людку не полагайся, – охнул от выпитого Семен. – У них с Сырцом какие-то делишки были. Шкура пропала где-то на две недели. Приползла и спала как кошка двое суток. Уличиха, ты где две недели ползала, едрит твою?!

– Почему Уличиха? – меня ударило молнией догадки, зачем меня потянуло в этот гаражный кооператив из машины моего друга Виктора.

– Потому что Улицкая её фамилия, – заглотнул стопарик Семен, – пусть она тебе расскажет.

– Дурак, болела я, потому и спала двое суток, – под села к нам Людмила.

Но меня уже понесло, и я схватил её за руку.

– Ты – Людмила Улицкая? – чуть не заорал я.

– Тихо ты. Придурочный, – вырвала мою руку Людмила. – Не протягивай клешни. Ну Улицкая и что?

Это не могло быть совпадением. Понимаете, уважаемый читатель? Не могло!

– Ты откуда родом? – еле сдерживая себя, произнес я.

– Эко тебя захватило, посмотрите, мужики. Может тебя за это в психушку усадили?

– Брось! – отмахнулся я. – Я ведь серьезно спрашиваю.

– А зачем тебе? Уж не засланный ли ты к нам казачок?

– Не дури! – налил я ей в свой стопарик и подал. До этого я так не поступал, опасался подцепить какую-нибудь заразу. Она оценила мой поступок и, почти навалившись на меня, заглотнула жидкость.

– Дак ты только скажи, я тебе всю жизнь преданной буду.

Рыцари засопели и зашвыркали носами.

– О себе мы после поговорим, – посмотрел я ей в глаза, вернее в те щелочки, которыми она смотрела на мир. Но, увы, нейроны, как и нейронные связи в её мозгу, погибали, как гордый «Варяг», выдавали фейерверки информации и понять, где ложь, где правда, уже было невозможно.

– Какая тебе разница, где я жила, с кем была до тебя? А? Дурачок!

– Нет, ты расскажи, – увернулся я от её объятий. – Ты же из Соколовского района Северо-Казахстанской области? Ну?

– Ну ты смотри, что происходит! Одни сюрпризы! Кто ты, олень северный? Да, я Людмила Александровна Улицкая. А ты, дай-ка я хорошенько посмотрю, – она пододвинулась поближе и всплеснула руками.

– Ну ты смотри! Есть правда на земле, загремел всё-таки в психушку, уродец! Я тебе и тогда говорила, что ты сумасшедший и родня твоя такая же.

По закону жанра в это время должна была ударить молния. Но небо было чистым, наступил последний вольготный денек лета. А я был разбит, как корыто. Это была моя Леночка...

Глава 2

Хмель из моей головы выветрился мгновенно. Голос Людки – Шкуры был хриплый, пропитый, глаза мутные, волосы месяца два немытые да и попахивало от нее чем-то острогнилым. Она притихла, отвалившись к дереву и не спускала с меня глаз. Лицо ее имело затекший многолетний лик и безвозвратно деградировало. В голове ее стоял полный хаос, сколько ни старался я вслушиваться в ее мысли.

– Ехе-хе, – вздохнул Шурик. – Хватит человеку голову пудрить, скажи, что врешь.

– С какой стати я буду врать? Он-то меня признал. Вон, видишь, как его перекосило.

Было от чего. Все мои приключения были пережиты только для того, чтобы я нашел в итоге это опустившееся существо?

– Ну мы будем сегодня опохмеляться или нет? – сторал от нетерпения Людочкин мужчина Семен, видя, что у нас заминка процесса.

Но мне захотелось побыть одному, обдумать случившееся. Я решил побродить по окрестностям, даже несмотря на призывы к трапезе моих благоприобретенных друзей. Там, в бауле с мини-рынка, были новенькие вещи, вплоть до носков и теперь обрядившись в этом, я смело торил путь, не боясь нарваться на милицейские неприятности.

Итак, Леночка разыскана! Что же теперь с этим делать? Она рожала и это наша доча Светик-семицветик, наверное, уже приехавшая со своего Тайланда и сходящая сейчас с ума дома в Красноярске от исчезновения своей дочери и отца. Дома я как-то незаметно не был уже шесть месяцев! Сейчас притащу туда, в город на Енисее, Светину маму – она сейчас с двумя мужиками глушит султыгу в кустах у дороги трассы Свердловск-Челябинск. И это будет катастрофа для всех!

– Так, подсказку, где искать Леночку, я понял, дорогая, – вслух произнес я. За «дорогую» я воспринимал «хозяйку». Она всё равно где-то рядом.

– Теперь отдай мне внучку, слышишь? Я согласен на встречу, а там будь, что будет.

Если бы кто видел меня сейчас со стороны, подумал бы, что я репетирую роль и не знаю случайно или нет, но что-то начало происходить: от нашего пикника донеслись громкие голоса, перешедшие в крик.

Я быстро двинулся на звук. Картина была маслом. Моих вновь приобретенных приятелей и Людочку засовывали в УАЗик здоровенные качки. Рядом стояла «Тойота – лэндкрузер» металлического цвета с тонированным стеклами. Я всё же не успел. УАЗик рванул с места, едва захлопнулась дверь и обе машины рванули на выезд. Я шагнул навстречу, развел руки, призывая остановиться, но водитель «Буханки» был невоспитанным малым и чуть не сбил меня. Потом «лэндкрузер» я уже останавливал по своим правилам и когда она замерла, пассажир начал орать на водителя. Я же открыл дверцу с его стороны.

– Что за ком с горы? – спросил он меня взглядом.

Вы знаете, Мережковский в свое время очень ошибался с предсказанием грядущего хама, он пришел на семьдесят четыре года позже ожидания. И это меня очень бесило и теперь апостол «новой веры» смотрел на меня, не мигая, полным презрения взглядом и на шее его за расстегнутым воротничком рубашки виднелся кусок массивной золотой побрякушки. Ой, не могу даже разговаривать с носителями такой метки. Он пялился, затягивая паузу, а я поднапрягся и уже видел даже не всю цепь, а содержимое бумажника, гнилой его ливер с гастритом, засыпанный на полпальца пищевой содой и даже обитателей его прямой кишки, что говорило, ночной урод даже не моет рук перед едой.

– Надо же, – подумал я, – не замечал такой способности за собой до этого. Представляете, как он меня взбесил!

– Ну что пялишься? – прохрипел он.

Я бы мог его здесь и оставить навсегда, но мне важно было именно развитие событий.

– Куда моих дружков повезли?

– А тебе какое дело, урод?

– Я хочу с ними. Я их друг.

Он смерил меня с ног до головы и, поняв, что я в чистой одежде, даже стрелки брюк не помяты, буркнул, усмехнувшись.

– Ну садись, – махнув на заднее сиденье. Мне, как придурку, пришлось оббежать машину спереди, заглянуть в глаза водителю, иначе бы мы не сдвинулись с места.

Место, куда мы прибыли, это было огромное поле, над которым кружились все чайки и вороны Челябинской области. Полигон бытовых отходов. Бескрайность этого объекта подтверждалась тем, что работавшие в центре огромные «ЧТЗ» не были даже слышны и размером с книжку. Мои кореша и еще несколько деклассированных элемента стояли стайкой и ждали команды.

Когда я вывалился из задней двери «лендкрузера» и пополнил их ряды, услышал напутственное слово Шурика – Кабыздоха.

– Ну и придурок же ты, Серега. Теперь крышка тебе, они не отстанут.

– А что тут такое? – тихо спросил я.

– Вон, видишь, сколько добра навозили. Видимо, опять микрорайон сносят. Теперь пока не переберем, не отпустят.

– Говорила вам, пора в другое место рвать, идиоты! – зашипела Людочка.

– А что собирать-то?

– А всё: железо, бронзу, нержавейку. Если попадутся золотые изделия, ну знаешь, хозяева заныкали, да и позабыли, то могут отпустить. Но навряд ли.

– А убежать?

– Тут не убежишь. Тут наших, знаешь сколько закопано!

– Seriously?

– Серьезней не бывает. Это же два хохла, брата. Один, что тебя привез – Эдик Нестеренко, а крышует всё это его брат, мент – гаишник Вова Нестеренко.

– А эти охранники?

– А это нанятые придурки деревенские, уууу, звери! Никакой жалости!

Теперь было понятно. Я осмотрелся и понял, что таким людям, как я, здесь раздолье. Видел я то, чего не видели ни один из простых смертных. Поле просто поблескивало всяким рыжем, рассыпанным здесь за годы складирования. Я приподнял какую-то железку и, поковырявшись прямо под ногами, вытащил длинную истлевшую тряпку, в углу шва которой отколупнул золотую сережку!

Охранник подлетел и отобрал у меня драгоценность, он быстро подхалимился, показал её Эдику, и я расслышал громкое «Уууу».

– Новичкам везет! – подошел ко мне вальяжной походкой «червивый» босс, – найдешь еще парочку, свободен.

– А мои друзья?

– Ты найди сперва, – он тут же забыл про меня.

Мои кореша, вооружившись лопатами, начали расковыривать свежие кучи мусора с содержимым былого человеческого жилья.

Как ни странно казалось, занятым своими распальцованными делами, когле охранников, но через полчаса я их побеспокоил.

– Ты начинаешь надоедать, – медленно произнес чебосс – червивый босс.

Но я раскрыл ладонь и вывалил на капот джипа три сережки, два обручальных кольца и цепочку с кулончиком, а главное, граммов на тридцать золотой крестик.

– Да ты охренел, демон! – воскликнул чебосс и подпрыгнул от удовольствия.

– Ну что, мы в расчете? – спросил я, глядя в глаза по очереди ошалевшим трем охранникам. Предчувствуя ответ, я «приказал» взглядом им не вмешиваться в происходящее.

– Ну ты смотри, борзота какая! – воскликнул он. – Шуток не понимаешь?

Мне интересно было сдержит ли он слово, это стопроцентное порождение нашего либерального общества или нет. И оставит ли мне выбор, ведь капитализм это свободный выбор!

– А если я в десять раз больше принесу, мы будем свободны? – тихо спросил я.

– Ты – мразь бездокументная! П....!

Договорить он не успел, подавившись своими выбитыми зубами. У меня вновь заболела правая рука от неожиданности моего решения. Чебосс откатился метра на три и завалившись на спину, дрыгал ногами и визжал.

– Отметельте его, пока почки свои не выплюнет! – молча посмотрел я на охранников.

Те с остервенением начали «закапывать» своего шефа, не давая ему даже подняться. Что он кричал, я не разобрал. Только собрал с капота мою добычу и, сунув ее в руку Шурику, молча наблюдавшему со всеми работниками за моими разборками, предложил убраться нам побыстрее.

– Бесплезно. Пока мы до леса дойдем, они очухаются и точно нас закопают, – запричитал Сеня – Сабля.

– За мной! Обещаю, что всё будет хорошо.

Мы торопливо вчетвером двинулись по полигону в сторону леса. От работающих тракторов бежало несколько человек к месту, где всё еще избивали Эдика. Ему сегодня явно не повезло. Едва мы преодолели половину пути, заметили, как со стороны выезда мелькнула поблескивающими огнями милицейская машина.

– Ну, хана! – заскулил Семен. – Это Вован, братан Эдика. Гаишник. Он не разговаривает, сразу за пистолет хватается.

– Тихо! Встаньте за мной, – сказал я и заметил, что выполнили они мое приказание мгновенно. Видимо, уже поняли, что меня лучше слушаться.

Этот гаишник гнал как чокнутый, видимо, ему уже сообщили. В наше время появившихся сотовых телефонов – это не фокус. Это у рядовых граждан их еще не было, а эта мразь вся ими обзавелась. Он решил нас сбить на своей государственной «Тойоте», но не тут-то было. Я заставил его нажать на тормоз, едва мы встретились взглядом. Представляете, как это выбило его из седла, потому что он, как порядочный гаишник не был пристегнут ремнем безопасности. Первыми через задние двери выбрались двое его помощников, видимо, тоже из деревенских рябят. Но они встали как вкопанные – я приказал. Затем в отрывшуюся дверь прямо-таки выпал хрен в гаишной форме, за центнер весом!

У него из приплюснутых и повторявших форму лобового стекла ноздрей хлестала яркая кровь. Правой рукой он силой выдернул сплюснутую фуражку со лба, а из дырки, оставленной болтом кокарды, тоже забила струя.левой он уже лежа тянулся за кобурой. У него день тоже не задался!

Крепкие земляки получили команду добить и пристрелить.

Мы как можно быстрее двинулись к спасительному лесу, слыша за спиной несколько выстрелов. И, когда листва наконец нас поглотила, я краем глаза заметил еще милицейские машины. УАЗ – буханка, несколько «Нив» и «Газ-3710», оборудованный под ОМОН.

Впереди нас замаячила трасса, полная проходящих машин, а позади послышались автоматные очереди. Усесться в проходящую машину тоже было не трудным делом.

– Ну, куда нам теперь? Решайте! – спросил я у запыхавшихся и притихших спутников.

Они молчали.

– Ну вещи-то ваши вам нужны?

– Да пропади они пропадом после такого, – заскулил вновь Семен.

– Однако время у нас есть. Если хотите что-то взять, давайте возьмем.

– Хотим, – хором ответили они.

Нас довезли ровно до этого же съезда, где пару часов назад я остановил «Тойоту-ленд-крузер». Даже костерок еще теплился и в лесной августовской действительности напоминал о приближающейся осени.

Спутники, наперебой выхватывая друг у друга бутылку, снимали стресс.

– Ну а ты что же, – спросил я у Людмилы, которой предстояло стать моей Леночкой. – На, – налил я ей в свою стопочку и подал.

Да! Работа предстояла грандиозная, судя по тому, как она проглотила и не поморщилась.

– Ты кто, мужик? – наконец пришли в себя Сеня с Шуриком. – Не заливай нам про психушку.

– Я действительно псих, – объяснил я, – потому и держали взаперти.

Они хорошенько поматерились на судьбу и заявили, что я сломал их привычный образ жизни.

– Хотите со мной? Поехали в Красноярск, город большой, помоек не меньше, чем в Челябинске.

– Нет, у вас там морозы зимой лютые, – ответил Шурик. – Они очень сокращают жизнь.

Все их ответы я вам передаю литературным языком, иначе это не напечатали бы редакторы.

– Найдете теплый подвал или теплотрассу.

Но мои оппоненты были непреклонны, а, чтобы не затягивать наше расставание, Шурик вдруг рывкнул на Людмилу.

– Слушай, Шкура, не парь мужику мозг, ты меня знаешь!

– Что такое? – заинтересовался я, заметив, что Людочка что-то уж очень тихая и явно собравшаяся в дорогу.

– Не суй свой нос не в свое дело. Может это мой шанс.

– Да в чём дело-то? – теперь насторожился я.

– Ну как хочешь, дрянь, а я мужик и не могу Серегу бросить через колено. Она не Улицкая и не была ею никогда. Четыре срока за мошенничество, а с Улицкой она в психушке познакомилась. Лечили её там от этого дела.

Он щелкнул себя грязным пальцем по кадыку.

– Ну? – сгорал я от нетерпения.

– Ну что ну? Зимует она у нее каждый год, пока мы здесь в теплопункте загибаемся, а весной приходит чистенькой и отъевшейся. Подружки они. Та – нормальная, а эта – шалава. А нас просила ее Улицкой называть.

– Ты меня обманула? – обратился я к Людмиле.

– Ну а чё тут такого-то? Ты хотел, чтобы я была ею и я стала. В чем проблема-то?

– Ну мне она нужна! Ты человек или как?

– Ой, только без истерик. Ну, отведу я тебя к ней. Делов-то... Да зачем она тебе-то, худая, как скелет, не то что я.

– Поняли!

Я простился с приятелями, пожав их заскорузлые грязные лапища, а Людмила крикнула им:

– Ждите! Я вернусь.

– Кто бы сомневался, – донеслось до нас и утонуло в шуме проезжающих машин...

Глава 3

Что-то в последнее время все стали сговорчивыми, стоит только посмотреть им в глаза! Шучу! Вот и водитель «Камаза». Но думаю, что мои новые способности всё таки не телепатия. Там нужен подготовленный приемник в режиме «я жду», а мне для этих фокусов прелюдия не обязательна. Вот и сейчас от нечего делать слышу, как водитель «брезгует» присутствием «красавицы» Людмилы и психует, что она постоянно лапает рычаг переключения передач. Сам рычаг в виде головы кобры и привлекает её внимание, а он всё сомневается достать тряпку и протереть его или нет.

После очередного косого взгляда в её сторону я дергаю её за рукав.

– Перестань!

– А что тут такого? Может это я кокетничаю и хочу познакомиться, – огрызается она.

Водитель улыбается и краснеет.

– Руки сперва надо вымыть, – говорю я ей.

Действительно, как-то мы забыли про эту мелочь. Водитель кидает нам тряпку и кивает в сторону канистры, которая у меня в ногах. Мы на ходу мочим конец тряпки и трем, она мгновенно становится черным.

Машина едет в сторону Кургана и Людмилу это устраивает. А мне она не говорит о конечном пункте путешествия. А я заглядывать в ее черепушку не хочу. Боюсь привыкнуть к простому решению.

Времени обдумать происходящее со мною было достаточно. Нигде так не думается хорошо, как в дороге. Какой русский не любит быстрой езды. К этой мысли Николай Васильевич пришел бы скорее, если бы сидел в кабине «Камаза», на трассе. И этим «ментальным» наслаждением, к моему удивлению, мы перестали напиваться у знакомой таблички. На ней было написано «Шадринск». Дежавю начиналось.

Водитель пожал мою руку и растворился в сумерках. Мы с Людмилой двинулись с трассы в город. Трехмесячное отсутствие ничем не было нарушено. Тот же асфальт, мост, пельменная у гостиницы, на платной стоянке Братчикова «Нива», облитая летним дождем.

– Куда теперь? – спросил я у Людочки.

– Ну что. Пойдем сразу к ней, – вяло улыбнулось перегарное создание.

Надо было как-то решить проблему с ночевкой, потому что явиться с дороги к Леночке ну никак не стоило. К тому же спутница моя побледнела и её начинало мутить. Делать нечего, пришлось приказывать.

Комнату нам дали на втором этаже, я настоял, чтобы подружка в последний момент не свинтила. А ужин заказал в номер, для этого пришлось пройти в ресторан, произвести ревизию кухни и дожидаться заказ там же и не позволить официанту записать список на бланк. Зато поужинали на славу! А после того, как я сходил в ванную, там же надолго исчезла Людмила, долго там плескалась, стиралась, сушилась феном и, завернутая в полотенце, наконец явилась в комнату допивать коньяк. Глаза ее блестели, а челюсть поддрагивала.

Э, подружка! – подумал я, – не твоя весовая категория, – и резко ее огорчил.

– Ты куда это, кудрявая, собралась?

– К тебе. Ты, что, дурак? – изумилась она.

– Заворачивай лыжи, уважаемая, – великодушно объяснил я ей положение дел. – Тебе на диванчике постелено. Отдыхай!

– Ну ты точно чокнутый, – обиделась подружка, но захватив бутылку и тарелку с нарезкой, убралась на диван.

Красивая стопочка ей не понадобилась. Мадам хлестала коньяк из горла и не морщилась.

Я же провалился в сон, едва прикоснулся к ночной подушке, под которой лежал ключ от входной двери.

– Вроде бы предусмотрел всё, – была моя затуманенная мысль.

Ранним утром я проснулся от стука в дверь и одновременно шума работающего трактора.

– Вы с ума сошли там что ли? Уже собралась милицию вызывать. Безобразие! – шумела дежурная по этажу. – Стучу, стучу, сколько можно? Перестаньте храпеть на весь этаж! Меня уже замучили жалобами.

Пришлось грубовато прервать Людочкино наслаждение сном. Она храпеть перестала, но начала долго откашливаться. В дверь постучали снова и, наверное, ногами!

– Перестань ты в конце концов! – рывкнул уже я.

– Виновата я что ли? – вякнула она и начала кашлять в подушку.

– Кури бамбук! – подытожил я и пошел открывать двери. Глаза дежурной были большие и красные, а инцидент был исчерпан.

Через час мы, свежие и отдохнувшие, ушли из гостиницы по-английски, не прощаясь, оставив после себя помятые постели, следы ужина и загадочный случай с постояльцами-невидимками, а еще истерику красноглазой дежурной на пересменке.

По дороге я решил на то, что хотел вчера сделать в первую очередь. Решительно зашел в будку охраны со стоянки машин и через минуту проволочным крючком отжал пружину задней двери Братчиковой «Нивы». Людмила любезно была приглашена в салон, чтобы изнутри открыть дверцы машины. Задание она выполнила на «пять», заодно убедив меня, что полотенца воруют не только из турецких гостиниц. А когда она им зацепилась за пустую канистру, что-то мелкое прошмыгнуло под коврик багажника.

– Вы что, тут яйца возили? – кряхтела она, просовываясь на заднее сиденье и хрустя под коленкой... старой яичной скорлупой... зеленого цвета! Бог мой! Тут было скорлупы лотков от трех!

Я аккуратно приподнял резиновый коврик, из-под него на меня уставились десятка три глаз-бисеринок и тонких мордашек, похожих на ящерок. Они смотрели на меня осмысленно. И как мне показалось, человеческим взглядом измученных существ. Вот тебе фокус! Догадка прожгла меня! Это были... мои дети?

– Ну чего ты там встал как вкопанный, едем или нет? – сторала от нетерпения Людочка. Я не знаю, когда они вылупились, но край коврика был махровый. Голод не тетка.

– Ты нарезку с тарелки захватила? – спросил я.

– А как же?

– Дай сюда, я после еще достану.

Людмила нехотя вынула из кармана кулек с колбасной нарезкой. Я накрошил её и коврик вернул на место.

Машина завелась как часики и бензина был полный бак, как и оставлял.

– Куда? – спросил я у подружки.

– Налево, – мотнула она головой и начала открывать окно.

Ну дела! – размышлял я, выворачивая рулевое колесо, что теперь с этим делать. Интересно, сколько их? В общей сложности за тысячу? А может и поболее с тульскими!

– Ну ты что, не слышишь? – меня ткнула в бок Людмила. – Приехали уже.

Шадринск – маленький городок, через три квартала у пятиэтажки пришлось остановиться.

– В чем дело?

– Она, – показала мне рукой Людмила на женщину, выходящую на тротуар. За руку худенькая стриженная брюнетка держала маленького мальчика.

– Не путаешь? – спросил я.

– Хочешь окликнуть? – засуетилась Людмила.

– Подожди, я хочу посмотреть издали.

Все эти месяцы скитаний я представлял, как я встречу Леночку. Радостно брошусь к ней. А в реальности я её не узнавал. Вроде она. А вроде и нет... Моя Леночка младше меня на два года. Эта женщина соответствовала ей по возрасту и по конституции. Даже особая моя гордость – третий номер. Красиво упакованный в кофейный летний костюм, притягивая глаз. Но так, наверное, устроен наш мозг. Я ведь свою Леночку-то видел в последний раз уходящей в вечность. Нет, не мог я её полностью узнать. А что вы от меня хотите, если даже апостолы на третий день после похорон не узнавали своего Спасителя.

– Это точно она?

– Ну, Людка Улицкая, чего тебе еще надо? Я у нее каждую зиму живу, вот уже лет шесть.

– Она что одна? А кто этот мальчик?

– Сын ее, Алешенька. В садик идут.

– Она замужем?

– Нет. Это от любовника её. Она же в конторе работает, помощником бухгалтера. Ну и дела у нее с начальником своим.

– А вроде был у нее Сашка? – спросил я наугад, зная историю настоящей Людмилы Улицкой из Вагулино.

– Давно! Спился мужик. Да они и пожилы чуть-чуть. Она всё по психушкам обследовалась. А он гудел по-черному, пока ее дома не бывало.

Она вздохнула, посмотрела на меня каким-то очень уж осмысленным взглядом.

– Все наши беды от вас, мужиков.

– Это с какой стати? – заступился я за наш мужской род.

– А с такой. Посмотри на Людку, ну что вам кобелям надо? И хозяйка, и умница, и красавица. Ну должно уж быть женское счастье. Нет! Всем другое подавай. Ты ведь тоже сейчас сидишь размышляешь. Довесок увидел и взад пятки.

– Помолчи, тут другая история.

– Расскажи.

– Не поверишь ты, Люся, не поверишь. Я и сам не верю в происходящее, – ответил я.

– Ну что мы зря ехали сюда что ли? Мне к ней еще рано, я после снега прихожу!

– Не зря.

Так и следовали мы за парочкой мамы и сына, пока не исчезли в воротах детского садика.

– А живет она в первой пятиэтажке?

– Да, семнадцатая квартира. Двушка.

Через некоторое время настоящая Людочка вышла из ворот детского учреждения. И теперь мне предстояло рассмотреть её в анфас, лишь бы не встретиться взглядом. Да! Это была она! Походку не изменишь. Женщина решительно направилась к нам навстречу. И вдруг вздумалось же ей переходить дорогу прямо перед капотом нашей «Нивы». Ну и Людочка своей красной рожей привлекла её внимание. Она остановилась и, присмотревшись, воскликнула:

– Да ёлки сосновые! Это ты?!

– Ну, выйди к ней, – подтолкнул я разинувшую рот Людочку.

Та нехотя вывалилась из машины, увлекая за собою все запахи гостиничного парфюма, сдобренного коньячным выхлопом.

Тут я пожалел, что у меня нет солнечно-защитных очков, очень не хотелось вот так буднично быть узанным. Я начал шариться в бардачке и конечно нашел те, выданные нам генералом еще в Подмосковье, со встречным зеркальным слоем. Делать было нечего, и я одел их.

Что они говорят. Было не слышно. Я влазить в их черепушки не хотел. Да и не смог! Вот те на! Видимо встречное отражение не позволяет читать мысли. Это было открытие! Видимо зрением мы не только обрабатываем оптическую часть диапазона, но и мыслящую. И эти очки были надежным подтверждением. Я вообще-то догадывался, ну зачем вы думаете мозгу

захотелось напрямую контактировать с окружающим миром через эти две дырки в черепной коробке? Не только же конечно для зрения!

Я вышел из машины. Две эти женщины крепко сцепились языками. Они только обернулись на мгновение и продолжили дальше свой «саммит». Фу, отлегло! Мысли я их слышал отчетливо. Тем не менее, это только подтверждало мою предыдущую догадку. А чтобы не привлекать внимания настоящей Людочки-Леночки, я занялся багажником. А для этого открыл заднюю дверь «Нивы». В багажнике послышался шелест. Я приподнял резиновый коврик и тут же бросил, отпрыгнув! Очки! Они показывали реальность!

Женщины заметили мою прыть и стали подходить.

– Да палец прищемил канистрой, – пришло мне соврать.

Они остановились и снова заговорили между собой. Вот сколько у женщин может накопиться новостей за полгода!

– Хорошо, я еще раз открою коврик, – подумал я и решительно его приподнял...

На меня смотрели полсотни человеческих лиц да и сами тельца ящерок были... человеческими! Они были приплюснутые с явным крохотным человеческим позвоночником, с ножками и ручками, кончающимися ящерными лапками вместо ступней и ладоней. Я понял! Они с рождения могли мысленно маскироваться под настоящих ящерок, а мои «зеркальные» очки их выдали! Эти человеческие ящерки что-то жадно жевали. Я пригляделся, они доедали крошенную колбасу. И тут же закрыл коврик. Поднял глаза. Рядом стояли две Людки и улыбались. Настоящая разглядывала меня, а бомжеванша сказала:

– Серега, я всё Людмиле рассказала, – и сделала виноватую физиономию.

– Можно вас попросить снять очки, – обратилась ко мне Любочка-Леночка.

Я повиновался.

– Вы! – воскликнула попятившаяся женщина...

Глава 4

Голос! Это был её голос! И отнекиваться было поздно.

– Вот видишь, Серега, еще спасибо скажешь. Тебя помнят, – вставила своё слово Людмила – Шкура.

– Серега? – переспросила Людмила-Леночка. – Раньше вас вроде звали Михаилом.

– Я рад, что ты действительно вспомнила, – обрадовался я её фразе.

– Как я могу тебя забыть? Этот человек сломал мою жизнь, – она посмотрела на Людмилу – Шкуру. – Я уже смирилась, а ты, Люська, приперла ко мне мое прошлое.

– Извини, подружка, у меня не было выхода. Да я думаю он хороший человек, тебе не надо беспокоиться.

– У тебя все хорошие, кто наливает, – усмехнулась она, не спуская глаз с меня.

Поймите меня, я бы мог одним взглядом утихомирить эту красивую женщину, но я знал, что за Людмилой прячется моя Леночка и я не мог ей хоть как-нибудь навредить.

– Он наливал коньяк, – вздохнула Шкура и посмотрела на меня с укоризной.

– Надеюсь, этот раз вы не будете ко мне привязываться? – посмотрела она на меня.

– Я прошу вас поговорить со мною один раз, просто один раз.

– Зачем? – спросила она.

– Я проделал большой путь и это было не просто, хотя бы из уважения к моим трудам по розыску вас, – убедительно, как мне казалось, нашелся я.

– С чего бы я должна вас уважать? – задумалась она. – Ну ладно, вечером после работы подъезжайте к моему дому. Вот она знает, – показала она на Людочку – Шкуру и обернулась уходить.

– Люська, пошли со мной, – и они двинулись по Шадринскому асфальту прочь.

Я остался один у «Нивы» и в голове у меня было пусто. Странное ощущение последних дней, как тогда, в подземной комнате. Но там всё глушилось окончательно. А здесь? Здесь на лицо прелесть провинции. Хоть полдня стой, мимо не проедет ни одной машины. Только ветерок в деревьях и налетевшая паутина, да вернувшаяся сияющая, как медный тазик, Людмила, что Шкура. Её можно узнавать по запаху разложившегося коньяка.

– Вот смотри, – она издали побрякала связкой ключей. – Только тебя в квартиру пускать не велено.

– Переживем. Ну теперь надо что-то съесть.

– Ты же колбасу отобрал, – уныло захлопнула дверь Людмила.

Денег у нас действительно не было. Но и рисковать моими возможностями по мелочам не стоило и поэтому я сделал то, что бы сделал любой нормальный мужик. Я решил поискать заначку хозяина машины Сергея Братчикова.

– Слушай, а как тебя зовут-то по-настоящему? Почему Шкура? – спросил я, отдирая коврик и утеплитель под педалью газа.

– Зовут меня действительно Людмила, а фамилия Мездрова.

– Ну понятно теперь, почему Шкура, – процедил я, увлеченный захватом двумя пальцами какого-то пакетика, ущупанного между прокладкой. Так и есть!

– Живем! – обрадовался я, разворачивая Братчиковский клад, достоинством, ах, семь тысяч рублей мелкими купюрами. Слава Богу, купюры были хоть и сморщенные, но действующие.

А через пять минут мы в пустой пельменной пережевывали обжигающие пельмени в укусе, а кое-кто выклянчил чекушку.

– Ой, Люська-Люська, – покачал я головой. – Тебя это в конце концов убьет.

Но девушка не обращала на меня внимания, вливая в себя шлангозатушивающую жидкость в один глоток.

– Что ты сказал? – очнулась она.

– Тебе не надо возвращаться в Челябинск.

– А что? Думаешь, там уже разборки?

– Пока тебя там нет, нет и разборок, но стоит только тебе там появиться, начнутся проблемы.

– Это почему же?

– Язык у тебя длинный.

– А что ты предлагаешь? Может замуж возьмешь? Но ты вроде нашел, что искал.

– Поехали в Красноярск. Пристрою тебя куда-нибудь. У меня знакомых много, квартиру сниму тебе на пару лет. Там сама шевелиться начнешь.

– Не смейся! Что я умею? Воровать да бухать!

– Ну работать научишься, на курсы какие-нибудь устрою. А бухать бросишь.

– Ой-ой-ой! Умора...

А дальше моя подружка не договорила, так и оставшись с открытым ртом.

– Извини, девушка, – шепнул я ей на ушко. – Ничего личного, просто здесь моя женщина, а ты представляешь опасность. А пить ты бросишь, тебя будет рвать от одного запаха. Поняла? Она покорно кивнула головой.

Я промокнул салфеткой губы и неторопливо вынул из верхнего кармашка ее рубашки связку ключей и переложил в свой. Потом пристально посмотрел ей в глаза и, попрощавшись с кассиршей, смотревшей на нас, вышел. Прощай и ты, Люська. Через пять минут ты начнешь всё в этой пельменной крушить, а когда приедет наряд милиции, завяжешь с ними драку. Думаю, на год они тебе наскребут, отдохнешь от этой гонки со смертью. Одно обещаю, пить ты больше не будешь, это точно.

К пяти часам вечера я нарисовался у знакомого дома и, сидя в машине, следил за дорогой. Патриархальность городка ничем не нарушалась, всё еще летели паутинки, чирикали воробьи, да в багажнике «Нивы» продолжалась суетливая возня.

В пельменной я заказывал три двойных порции, одну на вынос. Этот вынос исчез под ковриком багажника машины и видимо удачно. Возня не унималась уже несколько часов.

Наконец вдали на тротуаре обозначились две фигуры – интересная женщина в летнем костюме и маленький мальчик.

– А где Люська? – спросила она и выражение её лица мыло мягким. Видно было, что сына своего она любит.

– Уехала в Челябинск.

– Как уехала? Она же ключи взяла, вот стервочка. Вот так взяла и уехала. А на чем?

– Попросилась тут к одним, а ключи вот оставила, – я протянул.

– Ну, змея! – забрала связку Людочка-Леночка. – И что так вот запросто напросилась? Ну появится осенью, на порог не пушу!

– Хорошо видимо уговаривала, – улыбнулся я. – А осенью, просила передать, не ждать. Раньше следующей весны не управится.

– Так и сказала? – удивилась женщина. Моя женщина. Я узнал её возглас.

– Да, – ответил я, не уточняя, что слышал только звон разбитого витражного стекла и свист тормозов подъехавшего «воронка».

– Ну что же, я поговорю с вами, только сейчас накормлю Алексея. Учитывая прошлые наши встречи, в квартиру не зову.

– Что вы, что вы..., – успокоил я её. – Я буду ждать, сколько надо.

– Проезжайте во двор, там есть стоянка. Я через полчаса выйду.

– А можно сейчас за эти полчаса съезжу на работу, предупрежу, – соврал я. – А выйдете, мы сходим в кафе.

– В «Старый дворик»? – удивилась она.

– Наверное, если нет другого, – у меня судорожно провертывались шарики насчет того, где раздобыть денег.

– Ну ладно. Через полчаса, – отвернулась она.

Ну вот, где может нормальный человек достать денег в незнакомом городе! Даже не в городе, а городке, пусть не обижаются на меня славные шадринцы. Не воровать же. Опа! И я нарисовался на автозаправке не хулиганить, ни боже мой, я решил дожидаться автохама. Учитывая моторизацию российского населения, «уродец» на джипе появится с частотой раз в двадцать минут. Так что шансы у меня были неплохие.

И такое явление нашей современности не заставило себя долго ждать.

Первый же «лендкрузер» подкатил к заправке под землетрясительные звуки сабвуфера, в простонародье «бочки». Двери распахнули с обеих сторон. С водительской стороны выпал тщедушный мужичок, галопом кинувшийся к окошечку заправки. А с пассажирской стороны высунулись волосатые ноги в кроссовках. Они в такт колебаниям почвы пинали дверь и загромождали проезд других машин к шлангам. Сразу же нарисовалась толпа из двух человек и начали ругаться с «волосатогоном». Он ржал и никого не слушал. Напрашивался!

Я тут же вмешался в ситуацию. В общем, на мое предложение выпить полстаканчика укуса по приезду домой «волосатого» кивнул одобрительно головой, а за заманчивое предложение тут же расчитался всей наличностью из тугого портмоне. В общем, мы расстались довольные друг другом и через десять минут я вновь стоял во дворе знакомого мне дома.

Людочка-Леночка вышла из подъезда в костюме цвета морской волны и такого же цвета босоножках и сумочкой. Женщина преобразилась на сто процентов. Она молча разместилась на переднем сиденье.

– У нас в «Старом дворике» дорого, – смерила она меня взглядом.

– Это ничего. Вы извините, что я не переоделся, в командировке.

– Ну поехали, – откинулась она на сиденье.

– Куда?

– Я покажу. Вы что не знаете Шадринска?

Я пожал плечами.

– Ну тогда поехали.

И мы поехали. Шадринск в прошлый раз я действительно не видел. А город хорош! И пока добрались мы до таблички с надписью «Октябрьская, сто одиннадцать», увидели и красно-белую трубу ТЭЦ, реку Исеть с зарослями ивняка и тала, памятникам Ленину без вытянутой руки, торговый центр, стадион, несколько скверов, пересекли довольно оживленную улицу, увидели Собор Преображения Господня и много скверов. Даже из окна машины я разглядел Шадринских девушек и у меня возник внутренний возглас: «Ничего себе провинция!»

В общем, разместившись за столиком и дожидаясь заказа, я хорошенько изучил Людочку-Леночку. Она! Несомненно она!

– Ну и о чем вы хотели поговорить? – долгим взглядом посмотрела она на меня. Клянусь, чем угодно, это был взгляд учительский. Наследственный. Взгляд Августы Яковлевны! Это еще раз подтверждало мои догадки. И окончательно.

– Ну и долго я буду ждать ответа? – спросила она еще раз.

– Извините, – покачал я головой. – Просто задумался. Давайте сперва подкрепимся. Я с утра ничего не ел.

На этот раз я не врал, есть действительно хотелось до чертиков, а главное, очень хотелось немного узнать, о чем она думает. Конечно, это было свинством с моей стороны воспользо-

ваться своим «даром», но в любви и на войне все средства хороши. Я же был на войне. Или вы сомневаетесь?

Она пожала плечами в знак согласия, и мы слегка закусили. Я, конечно, предложил сперва Людмиле-Леночке вина, объяснив, что сам не могу выпить, и мне еще рулить всю ночь.

– Вы что же сегодня уезжаете? – обрадовалась она. Ничто так не радует женщину, как то, что вынужденное свидание не будет иметь продолжения. И она даже подумала: «Слава Богу! Не будет надоедать долго».

– Всё правильно, всё правильно. Дорогая Леночка. Не буду назойливым, – подумал я, но пришлось сказать другое.

– Да, начальство посылает в офис за документацией. В ночь уезжаю.

– Вы без водителя?

– Фирма у нас небольшая. Монтируем электрооборудование, но мы лишь часть, подразделение. А сама контора солидная – «Красноярск – Энергоремонт», не слышали? Что вы, у нас дюжина электростанций и всего остального, – начал я выдавать информацию о своей прежней работе.

– Известная песня. Командировочные всего хвастаются своей работой.

– Ну зачем вы так? Я ведь не по поводу моей работы. У меня к вам другое дело.

– Какое другое? – блеснули её глаза, что говорило о качестве подаваемого вина.

Я налил еще вина. Она отпила и салфеткой промокнула губы.

– Понимаете, я сейчас один, – начал я.

– Извините, – перебила она. – Извините, Михаил. Вы ведь Михаил? – засветились её глаза.

– Да.

– Извините, Михаил. Не подумайте, что я такая грубая и бессердечная. Я хочу спросить, как у вас в тот раз? Вы решили свою проблему? Её кажется звали Еленой?

– Да, в тот раз всё получилось. Я её нашел, и она родила мне дочь. И мы жили счастливо. И снова потерял. И снова ищу.

– И поиски опять привели ко мне? Она, что же, ушла от вас?

– Нет, она умерла.

– Извините, – как-то суетливо от неожиданного ответа взглянула она. – Еще раз извините, я ведь не знала.

– Ничего, я уже привык. Вернее, это произошло так давно.

– И вы стали искать меня? Но это же глупости, я совершенно другой человек! Зачем вам это надо? В прошлый раз должно было быть понятно.

– Что понятно? – спросил я.

– Что вы не мой тип мужчины.

– Жаль, – вздохнул я и еще раз налил ей бокал. Короткая стрижка шла этой женщине. У Леночки были красивые мочки ушей, и они украшены маленькими звездочками сережек.

Мысли её спутались. Это интересно, хоть и нечестно слышать, о чем думают подвыпившие женщины. Открою вам секрет. Они начинают оценивать мир. Мужчины, наоборот, успокаиваются и становятся великодушными. В женщинах же просыпается бес любопытства. Вот и сейчас она, скушав пару глотков красного вина, запустила мысль, что не такой я и противный, каким был в прошлый раз и ей интересно узнать, на что бы я был способен.

– Я способен на многое, – прервал я тут же развитие её мыслей.

– Как вы это делаете? – прищурила удивленные глаза красавица.

– У вас сейчас глаза хищницы.

Она молча уставилась на меня.

– Ну ладно, это сантименты, что-то я расслабилась. Лучше скажите, зачем вы меня позвали. Только серьезно.

– Не буду врать. Я хочу быть с вами. Для этого и разыскивал столько времени. И поверьте, это серьезно.

– Будете снова убеждать, что я не я? – усмехнулась она.

– Нет, не буду. Теперь не буду. Я понял свою прошлую ошибку.

– Долго же времени понадобилось, почти жизнь.

– Ну зачем так мрачно? – теперь усмехнулся я. – Мы ведь не старики. Наш возраст называется самым расцветом сил.

– Я примерно понимаю, зачем я вам. Не думаю, что это хорошая идея.

– Уверяю вас, Людмила, – произнес я, хоть мне очень хотелось назвать её Леной. – Идея неплохая. Разрешите хотя бы навещать вас? Вдруг у вас переменится мнение?

– Ну ладно, навещайте, – согласилась она и вдруг подумала такое, от чего у менее опытного мужчины покраснели бы уши. Я понял, что от греха подальше её лучше доставить домой.

Между прочим, это добавило пикантность и таинственность в наших отношениях – всё это я «услышал», пока вёз даму до дома. И то хлеб. Теперь предстояло узнать, как её вылечить.

Часа через два я остановил машину, потому что понял, что начинаю засыпать. Свернув на первый же съезд, я заглушил двигатель, оставив только габаритки и отпустил спинку сиденья. Ночное августовское небо накрыло меня через лобовое стекло, подмигивая отблеском фар редких проезжающих мимо машин. Это была первая осенняя ночь августа и через какое-то время машина остыла, и я сквозь сон чувствовал, как что-то тепленькое подсунулось к моей спине и под бок. Тоненькое и хрупкое...

Глава 5

Там, в царстве сна, я понимал, что салон «Нива» заперт и ничто не может проникнуть вовнутрь. Но сон и-за утренней свежести, перешедший в стадию полуреальности и волосы мои стали приподниматься от ужаса... Я открыл глаза и резко посмотрел на сиденье. Вокруг меня навалилось с полсотни маленьких ящерок. Они были с закрытыми глазами и ровно дышали во сне, согретые моим телом. Я потянулся к замку зажигания, но руки мои не были телескопическими и мне пришлось приподняться. Вся эта стайка кинулась врассыпную. Хорошенькое дельце! Мне что теперь придется стать нянькой этим существам?!

Салон начал наполняться теплым воздухом от двигателя и мои «воспитанники» принялись «прошмыгивать» в пассажирскую нишу для ног, куда была направлена основная струя тепла. Компания была приличная. Их следовало пересчитать. От приятной нагретости струи они стали вялыми и беспомощными. Сонно открывали глаза и закрывали вновь, медленно перебирая лапками. Я легко брал их в руку и счетом они были тридцать семь.

Вернув водительское сидение в рабочее положение, я переключил скорость и надавил на акселератор.

Снова я, на трассе Курган – Петропавловск. Объехав в темноте по объездной этот большой город, я «отмахал» от Шадринска добрые сто семьдесят километров. Теперь через час езды предстояло пройти российско-казахстанскую таможенную у станции Петухово. И затем, не въезжая в Петропавловск, трястись еще два часа до Разжиково. Я стремился туда. Мне следовало найти хоть какие-нибудь намеки на решение моей проблемы. А главное, я уже начал беспокоиться своей свободой. Где ищущая меня контора? Где доктор? Где в конце концов «хозяйка медной горы»? Что-то я уже начал по ним всем скучать! Но прежде предстояло заправиться – мне, машине и моим подопечным. Они, освоившись, не проявляли страха, а начали просыпаться, потягиваясь и поднимая свои ящерные хвосты. Им явно нравилось на коврике в ногах пассажирского сиденья.

На одном из въездов на трассу, на огромном асфальтном плацу, размещалось всё, что нужно путнику: заправка, туалет, шиномонтажная, смотровая яма и венец сервиса, железнодорожный вагон, на брюхе изображавший из себя придорожное кафе «Лесничное». Возле него дымил мангал и протирали глаза от сажи бывший младший братик из Средней Азии. Запах жаренного мяса привел в восторг моих подопечных. Они засуетились, подняли хвосты, забегали, поглядывая на меня. Хороший аппетит был налицо.

Я заказал четыре порции у прищурившегося умельца, покрошил их на мелкую соломку и вместе с хлебом в чашке из фольги поставил в машину. Прищур у умельца исчез, но я пригрозил пальцем, и он снова лениво начал махать фанеркой, раздувая огни.

Сам же сделал солидный заказ, неторопливо умылся, посмотрел газеты за журнальным столиком, пока накрывала стол крупная женщина в переднике и был приглашен к трапезе. Медленно и с удовольствием поглощал я мясной суп по-молдавски, потом огромный шницель с толченой картошкой, обильно посыпанный зеленым луком, укропом и еще чем-то. Впереди маячили два горячих чебурека и огромный стакан чая с молоком. Между прочим, за последние два года я не ел с таким аппетитом. И надо было обратить внимание на это. Но я был голоден и смотрел в вагонное окно, как на плацу парковался «китаец» и из него выныривали и разминались его пассажиры. Тень от этого автобуса накрыла «Ниву». Я успел подумать, вот гад, места им мало что ли?

Тут кто-то покашлял рядом. Оглядываться я не стал. Звук происходил в моей голове...

– Извините, здравствуйте. Приятного аппетита! – голос транслировался прямо мне в голову. Это было что-то новенькое.

– Ну и как это понимать? – подумал я.

– Мы хотели бы с вами поговорить, просто поговорить.

Тут я догадался, кто сейчас небольшой толпой стояли молча у «двухэтажника». Они густой кучей окружили Братчиковскую «Ниву» и просто прилипли взглядами к его правому переднему стеклу. Ну да! Так лучше было видно, что сейчас происходило перед пассажирским сиденьем. Я глянул с сожалением на чебуреки и чай и двинулся на выход.

Едва я показался в дверях кафе «Лесничное», они все, как по команде, обернули головы в мою сторону. Но самое интересное было в том, что эти красивые хорошо одетые мужчины и женщины, молча смотрящие на меня, были красивыми только для длинного брата из Киргизии с отвисшей челюстью и испытывающего сейчас когнитивный диссонанс. Я видел их теми серыми ушастиками, с маленькими черными глазками и короткими хоботками, которые у них приподнялись и жадно обнюхивали действительность. Однако их объединяло, как я догадался, обреченная усталость в глазах и на лицах.

Есть в анналах волшебного «Голливуда» прикольная вещь, называется она «Однажды на Диком Западе» с Питером Бронсоном. Там означенный Питер выгружается на пустынном полустанке и встречается с молчаливыми «коллегами». У них короткий диалог, в полной тишине и четыре выстрела. Для чего это я? Вот рождены мы русские, чтобы сказку сделать ассиметричной былью. У меня тоже сейчас за спиной стоял железнодорожный вагон без колёс, а по мере моего неторопливого приближения все эти «милашки» молча раздвигались и обступали вокруг меня большой подковой и, не шелохнувшись, смотрели на меня.

Я затылком чувствовал, как повариха и крупная официантка из кафе прилипли к окнам.

Наконец один из них вышел вперед и «сказал», показывая пальцем на «Ниву»:

– Там большое зло, Михаил. Вы знаете об этом?

– Вы для этого приехали сюда всем этим автобусом, чтобы открыть мне глаза?

Не сердитесь, Михаил. Мы здесь для другого. Мы просим у вас помощи и спасения.

– О как! Котировки упали? С чего бы это?

– Вы многое не знаете, молодой человек, но Хозяйка убивает нас... каждый день. – Он оглянулся на своих «соплеменников» и показал пальцем на «Ниву»: – из-за этого.

– Поподробнее, пожалуйста. И почему ко мне претензии?

Хотя я уже догадывался. Их было «человек» стосорок и совместно они могли меня просто нашинковать на мелкой терке. Но они не шинковали, а жалко жались друг к другу. Перепуганные. Дети, всюду дети и у этих были прималенькие малюсенькие хоботки и умные глазки.

– Это просто, Михаил. Вы сейчас сильнее её и мы просим вас. Спасите наших детей хотя бы!

– А где ваши старики?

– О! Они немощны, и она на них плюнула, Михаил.

– Ну, Михаил, Михаил. Что дальше? Не тяните резину. С чего это она озверела?

– Всё просто. Она беспокоится о потомстве и уничтожает конкурентов. Сейчас мы её конкуренты. Но, увы, люди, тоже заблуждаетесь на свой счет. Закончит с нами, потом займется вашими детками.

– Кстати о детках, раз уж вы такие сердобольные. Где моя внучка и дочка? Настоящие!

Возникла пауза.

– Вот что, давайте-ка разговаривать лингвально, а то всех переполошим, – подумал я и сказал вслух: – Вон братело уже шашлык сжег.

Все тут же заулыбались как по команде и заговорили. Получилось, как шелчок тумблера, вернувшего звук.

Этот самый бойкий мужчина в кавычках был пожилой с белыми висками человек, в белой рубашке, отглаженных брюках и совершенно девственных туфлях, слепящих блеском. Как потом выяснилось, профессор права Екатеринбургской юридической академии.

– Спасибо, что выслушали, – произнес он.

– Вы не ответили.

– Мы знаем, о чем вы спрашиваете, но примите это как мужчина. У вас не было детей с вашей женой. Никогда. Это были наши женщины и рожали они наших детей.

– Я давно догадываюсь о чем-то таком, но я хочу видеть тех, кто был ими. Они с вами?

– Нет. Увы, они далеко. Они успели убежать.

– А вы?

– А мы собрались в кучу. Почти все, кто живет в России. Нас осталось сорок девять. И мы вместе одновременно ей не по зубам, но у неё есть один козырь.

– Доктор?

– Да. Вы поймите, нам трудно просить человека о помощи. Это нонсенс. Мы несомненно сильнее вас, людей в своё время и вывели как вид для обслуживания таких как мы. Но так случилось, что мы на пороге исчезновения.

Я улыбнулся.

– Не смейтесь. Это касается и человечества. Яйцеклады размножаются в геометрической прогрессии. Они оставят вас столько, сколько необходимо им. Они безжалостны. Они – машины для жизни, этика и мораль не для них. Так решила природа для сохранения баланса. Вы ведь не будете отрицать неизбежность смерти, вот эти наоборот праведники жизни. Они утверждают неизбежность разумной жизни. Увы...

– Увы? Вы ведь для своего существования не один десяток тысяч наших отправили в психушку.

– Да, но мы не убивали. Они оставались жить. Но этот плац это не место для дискуссии. Вы отказываетесь нам помочь?

Ё-моё, этот чемодан без ручки в виде двухэтажного автобуса китайского производства, к тому же наполненный волшебным содержанием, просился быть моим. Вот такие галеры я сейчас мог себе приобрести легко.

– Мы не будем вам в тягость, – буркнул профессор.

– Не пытайтесь читать мои мысли, а то застрянете здесь навсегда.

– Это значит да?

Я посмотрел на них уже человеческим взглядом. Ведь могут же, когда захотят. Прелестные человеческие лица смотрели на меня с любопытством.

– Даю вам час на завтрак, а вы потом сядете ко мне в машину.

Толпа загомонилась и ломанулась в кафе. Киргизский товарищ был доволен.

– Вот что, – предупредил я профессора. – Рассчитайтесь нормально. Деньгами! Мне не нужно много шума.

Я уселся в «Ниву», а через несколько минут знакомая «Дюймовочка» в официантском переднике принесла поднос с чаем и моими чебуреками. Как ни странно, они были подозрительно обжигающими. Я посмотрел на девушку. Она покраснела в ответ. Это был наш российский сервис в действии!

Еще через час я гнал «Ниву» по гладкому асфальту в сторону Петропавловска. На пассажирском сиденье сидел профессор и обдувал себя из открытой ветровой форточкой. А в зеркале заднего вида маячил огромный сине-белый «двухэтажник».

– Зачем они вам нужны? – показал он на крошки под его ногами?

– Еще не знаю. Но формально они мои дети.

– Они растут медленно, даже медленнее нас раз в пять. Похожими на нас они станут лет через пятьсот.

– Ого! А что вы имеете в виду?

– Хвост отвалится. И они станут прямоходящими. У вас в Красноярских окрестностях они не выживут самостоятельно. Сибирские морозы их прикончат.

– Давно хотел вас кого-нибудь спросить, – улыбнулся я. – Уральские морозы не меньше сибирских. Как вы-то выживали?

– У нас есть готовые природные убежища. Там геотермальность и всё такое.

– И что же мы, я имею в виду люди, до сих пор их не нашли? – спросил я.

– Некоторые нашли. Некоторые нашли, но не дошли. Вы понимаете?

– А с перевалом Дятлова ваших рук дело? – вдруг спросил я.

Ответа не последовало. Профессор вдруг уставился как замороженный на дорогу.

– Ну да, ответа и не надо, – вздохнул я. – Итак всё понятно.

Позади нас начало что-то происходить. Водитель автобуса моргнул фарами и ушёл на обгон...

Глава 6

– Это оно и есть, – медленно произнес профессор.

– Как это понимать? – воскликнул я.

– Вам лучше прислушаться к себе. Вы должны всё чувствовать. Вы один из нас. У вас её детки.

Я последовал советчику. Но увы, мне оставалось только пожать плечами. Нет, конечно я слышал, как кричал ребенок в автобусе, но мне казалось, что это обычный детский кошмарик.

Мы кинулись к «китайскому чуду» и среди вещевых баулов, перепуганных лиц «путешественников» выделялись стоны маленькой девочки при всеобщем молчании.

Вдруг один из стариков выпрыгнул в проход и, тыча в меня пальцем, закричал:

– Смотрите, он зашел вовнутрь по собственному выбору. Он не боится нас!

Все присутствующие загудели и не только голосом.

– Что это значит? – спросил я у профессора.

– Они поражены вашим доверием к ним. Это много стоит. Вы сейчас без предусловий доверили им свою жизнь. И этим покорили их сердца.

– Пафос?

– Нет, здесь в замкнутом помещении мы все вместе очень сильны и, пожалуй бы, даже смогли убить вас.

– За что? – возмутился я.

– Вот-вот, это и поражает нас в людях... наивность! – вздохнул он.

– Вы же сами попросили о помощи!

– Да, но здесь наше личное пространство.

Я махнул рукой от досады и склонился над девушкой. У нее были красные глаза, ими она меня уже не видела и слышалось прерывистое дыхание. И тут меня осенило! Я схватил её на руки и под молчаливый вздох, похожий на удивление, бегом бросился к себе в машину. Знай наших! Пусть попробует кто-нибудь в присутствии своих деток! И ведь помогло!

Пришедший следом профессор уже улыбался. А девочка стала дышать ровнее. На руках я держал... ровесницу своей Ба. С ума сойти с человеко-ящером!

– Почему мы её не чувствуем? – спросил я у него.

– Она коварна. Умеет маскироваться так, что не заметишь. Наверное, во время обеда.

– Да! Кошмар! Эта громадная официанточка! – Мне стало жутко, что она могла натворить.

Ничего, – вяло ответил профессор. Вам ничего. Вы ей даже нужны, если не ошибаюсь...

– Нет, наверное, не ошибаетесь. Но зачем весь этот цирк с многочисленными убийствами вокруг меня.

– Это она искала правильное решение.

– В каком смысле?

– Ну вы люди сомневаетесь, расстраиваетесь, гадаете и принимаете решения. Она сперва делает, потом оценивает. Путем подбора.

– Ну это же страшно. Столько жизней за ошибку.

– Иначе не умеет. Они и вас, людей, изобрели, чтобы решить проблему. Но оставили возможность переиграть.

– Как это?

– У вас короткая жизнь, вы быстрее реализуетесь как цивилизация и быстрее выходите к цели. Она в это время в нирване дожидается времени пробуждения. Будим её мы, для этого они культивировали и нас как вид. Теперь мы не нужны ей, потом вы.

– Ну а цель-то? Цель? В чем смысл?

– Искусственный интеллект. Разве не понятно? Вы строите все эти компьютеры и программы. Как только появится возможность и будут достигнуты характеристики, способные сохранять в памяти полный психотип личности, они выйдут на первые роли. И вы им будете не нужны.

– Совсем?

– Совсем. Они сами не могут изобрести даже табуретки, потому что всю мощность своего мозга тратят на общение. Я ведь не шучу, – вяло улыбнулся он. – мы тоже, увы, бездари, правда с хорошей памятью.

– Зачем им всё это?

– Вечность! Даже их, почти десятка тысячи лет жизни, мало для общения с другими космическими цивилизациями. Таково было условие тех, когда они сюда прилетели много раз.

– Вы их видели сами.

– Конечно. Перед войной в сороковом году. Я был на летней практике в поле. Эти сами ко мне подошли, и мы мило так побеседовали. Искали они как раз эту даму.

– Как они хоть её называли?

– Это не секрет. Сами такие, как наша дама себя называют хамейцы, а её зовут Зулатра. Даже знаю, как звали её папу, Химттр. Знаете, при произношении много раз надо произносить букву «т», они это любят. Это их отличие. Чем больше «т», тем почетнее обращение. Да вы сами заметили, нам легче управлять людьми, если им надо что-то трудное, твердое, решительное.

– Да, – покивал я головой.

– Ну вот видите. Я не вру и максимально с вами откровенен после вашего поступка.

Он ласково взглянул на спящего ребенка, щечки которого порозовели.

– Ей лет сто? – шепнул я.

– Восемьдесят девять.

– А как её зовут по вашему?

– Никак, мы не употребляем своих имен, только ваши. Да и вообще мы очень похожи по мышлению.

– Еще бы, – вздохнул я.

– Нет, нет. Вы не думайте, агрессивных среди нас почти нет. Вы в своё время столкнулись с последними. Все мы городские жители, интеллигентны в нескольких поколениях. Физическим трудом не занимаемся, много читаем и контролируем общину. Ваш случай уникален, по сути нас в вашем случае расшифровали и попытались использовать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.